

Глава 29. Маленький чжицин (I)

Гао Ли даже не обратила внимания на его состояние. Вытерев пот со лба, она повернулась к юноше: — Послушайте, товарищ, я ведь так и не узнала вашего имени.

— Я — Бай Цзяньшэн, — парень мягко улыбнулся и указал рукой в сторону деревни. — Мой дом совсем рядом. Если возникнут какие-то трудности, всегда можете ко мне обращаться.

Договорив, он невольно поморщился от боли, баюкая ушибленную руку, и больше не заикался о том, чтобы помочь Ду Юньтину. Оставив корзину на земле, парень медленно побрел по меже в сторону дома. Гао Ли проводила его взглядом, а затем с сомнением посмотрела на спутника: — Он что, из местного начальства?

Ду Юньтин лишь покачал головой.

— А говорит-то точь-на-точь как важный чиновник... — пробормотала девушка. Впрочем, стоило ей взглянуть на палящее солнце, как всякое любопытство мигом испарилось. — Быстрее, если до обеда не наберем полную корзину, нам и одного трудодня не видать.

Зной становился невыносимым. Открытые участки рук и ног Ду Юньтина нестерпимо саднило — даже без зеркала было ясно, что кожа сильно обгорела. Он выпрямился, чтобы хоть на миг перевести дыхание, и заметил вдалеке ослиную повозку, мерно колыхавшуюся на пути к деревне. На повозке, среди тюков с вещами, сидел человек.

Ду Юньтин прищурился.

Работая из последних сил, они всё же успели закончить к обеду. Крестьянин, принимавший работу, с явным недовольством заглянул в их корзины, но, видя изможденный вид городских неженков, лишь вздохнул и молча протянул им миски с лепешками.

Молодые люди выглядели так, словно из них выкачали всю влагу. Один из чжицинов, обмахиваясь соломенной шляпой, простонал: — Сейчас бы мороженого... Холодного, фруктового.

— У моего дома старик делал потрясающий фруктовый лед, — подхватил другой.

От этих разговоров аппетит разыгрался не на шутку, но стоило им взглянуть на полученный обед, как желание есть пропало. В мисках лежало несколько сухих, заветренных лепешек. Непонятно, из чего их пекли, но они были настолько твердыми, что об них впору было ломать зубы. Похлебка же оказалась настолько пустой и прозрачной, что в ней, как в зеркале, отражались их собственные унылые лица.

Один из юношей заглянул в миску соседа и, убедившись, что там то же самое, растерянно

спросил: — И как это есть?

— А как все едят? — буркнул крестьянин, раздававший еду. — Вы заработали всего один трудодень. Вот если бы пахали в поле наравне с мужиками, получили бы лепешки из кукурузной муки. А пока ваша работа — как у малых детей, так и пайка соответствующая.

Чжицины пристыженно замолчали, понутив головы. Лишь одна из девушек возмущенно вскочила: — Мы приехали сюда помогать вам поднимать деревню, а не вкалывать на тяжелых работах!

Не успела она договорить, как Гао Ли оборвала её: — Замолчи! Разве можно что-то построить без труда? Или ты собралась поднимать целину одним языком?

Повернувшись к сельчанину, она добавила уже мягче: — Дядя, мы просто еще не привыкли. Вот освоимся немного и обязательно пойдем в поле наравне со всеми.

Эти слова немного успокоили мужчину, и выражение его лица стало чуть более благодушным.

Ду Юньтин рассеянно помешивал ложкой в своей миске, когда в дверях показался Бай Цзяньшэн. Крестьяне, очевидно, хорошо его знали и приветствовали весьма уважительно: — Ну что, парень Бай, говорят, второй сын из семьи Гу вернулся?

При упоминании фамилии Гу рука Ду Юньтина дрогнула, и ложка негромко звякнула о край посуды.

— Вернулся, — подтвердил Бай Цзяньшэн. — Сказал, что из армии его комиссовали. Один из его сослуживцев тяжело заболел, так он все свои подъемные и выходное пособие на лечение товарища отдал. Теперь дома такой скандал стоит — жуть.

— Понятное дело, — кивнул старый крестьянин. — Небось, опять дележ имущества начался? За тобой и твоим отцом пришли, чтоб свидетелями были?

Он цокнул языком: — А ведь говорили, что он там на хорошем счету, до командира роты дослужился... Как же это так — в один миг всё бросить и вернуться ни с чем?

Деревня была маленькой, все знали друг друга с пеленок, и чужие тайны здесь долго не хранились. Отец Бай Цзяньшэна раньше был секретарем ячейки, и хотя теперь он отошел от дел, его авторитет всё еще был высок. Сам Цзяньшэн унаследовал от родителя страсть совать нос в чужие дела, и если где-то назревал конфликт, он неизменно оказывался в самой гуще событий. Со временем сельчане к этому привыкли.

Бай Цзяньшэн взял миску и, заметив в толпе Ду Юньтина, поспешил подсесть к нему поближе. С самым благожелательным видом он завел беседу: — Ну как, привыкаешь понемногу к нашей

еде?

Юньтин, чувствуя, как от этого «святоши» за версту несет приторным лицемерием, не желал тратить время на пустую болтовню. — Уже закончил, — бросил он, поставил миску на стол и вышел на улицу.

До вечерней смены оставалось немного времени, и он решил прогуляться по тропинке в сторону дома, где его поселили. Проходя мимо одного из дворов, он вздрогнул от оглушительного грохота — дверь распахнулась с такой силой, что едва не слетела с петель. Из дома донеслись яростные вопли и причитания: — Да чтоб я провалилась! Ни копейки в дом не принес! Как ты собрался родителей кормить, ирод?!

На пороге показался человек с походным мешком за плечами. Взгляд Ду Юньтина невольно замер на нем. Он успел разглядеть лишь профиль: холодный разлет бровей, глубоко посаженные глаза и едва заметную родинку над левой бровью.

«Ох... ни черта себе»

Ду Юньтин застыл на месте, словно его ноги пустили корни в сухую землю.

«Ох, ох, ох...»

Заметив на себе пристальный взгляд, мужчина медленно повернул голову. Его взор скользнул по юноше — холодно и бесстрастно. За его спиной продолжал бесноваться скандал, кудахтали куры и летели проклятия, но он, казалось, не замечал этого хаоса. Смерив глазами хрупкого маленького чжицина, чье лицо успело пунцово обгореть на солнце, незнакомец лишь слегка нахмурился и, не проронив ни слова, зашагал прочь.

Юньтин продолжал стоять, ошарашенно глядя ему вслед. Он не верил собственным глазам.

«Твою ж направо! — потрясенно обратился он к 7777. — Двадцать восемь, ты это видела?»

Господин Гу! Откуда здесь взялся господин Гу?!

«Это невозможно! — электронный голос системы сорвался на высокой ноте. — Как один и тот же NPC может попасться тебе в двух миссиях подряд?»

Количество персонажей в базе было бесконечным, и распределение должно было быть случайным. Но чтобы во второй раз... Это была статистическая аномалия.

У 7777 возникло крайне недоброе предчувствие. А её хост тем временем, не отрываясь, смотрел вслед Гу Ли с восторженным придыханием.

«Ва-а-а...»

Система уже знала, что последует дальше. И точно — в следующую секунду Юньтин рассыпался в благодарностях:

«Двадцать восемь, какая же ты милашка! Я только заикнулся, а ты правда создала его для меня! Ты так часто ворчишь, что я уже начал подозревать — ты в меня тайно влюблена»

«...»

«Наверное, ты испугалась, что я буду слишком тосковать по прошлому миру? — участливо предположил Трус Ду. — Не волнуйся, я сильный. Ради него я готов прожить эту жизнь на полную катушку»

«...»

7777 уже и сама начала сомневаться: неужели небеса действительно так благоволят этому проходимцу? Может, ему стоит сменить имя на Ду-Счастливчик?

Тем временем Ду Юньтин сорвался с места, следуя за мужчиной.

«Эй, ты куда?» — всполошилась система.

Юньтин прибавил шагу, явно намереваясь догнать свою судьбу.

Объект его интереса ушел недалеко — он остановился у дома секретаря. В этот момент секретарь как раз передавал ему связку ключей, напутствуя: — Ты только на родителей не сердчай. Там, конечно, место гиблое, жить нельзя, но ты перекантуйся пару ночей, а там, глядишь, и вернешься.

Гу Ли, стоя спиной к Ду Юньтину, ничего не ответил, лишь молча принял ключи. Обернувшись, он снова наткнулся на того самого обгоревшего чжицина. Мальчишка выглядел совсем нежным, ростом не велик, но сейчас он стоял перед ним, задрал голову, и смотрел сияющими, чистыми глазами, в которых, казалось, отражалось само небо.

Мужчина поправил лямку тяжелого мешка и бросил: — Дай пройти.

К его удивлению, юноша не только не отошел, но и сделал шаг навстречу: — Тебе помочь?

На этот раз Гу Ли задержал на нем взгляд дольше обычного, и в его глазах промелькнула тень насмешливой улыбки: — Ты? Поможешь мне?

— Ну да, — уверенно подтвердил Ду Юньтин.

Секретарь, стоявший в дверях, не выдержал и рассмеялся: — Товарищ Юй, брось ты эти затеи. У второго сына Гу сил на троих хватит, он в армии с пулеметом наперевес бегал.

«Подумаешь, пулемет. Я тоже умею обращаться с оружием... Хотя я бы предпочел то, с которым господин Гу родился на свет...» — подумал про себя Ду Юньтин.

Гу Ли коротко усмехнулся и действительно протянул ему свой тяжелый армейский мешок. Огромный вес мгновенно обрушился на руки Ду Юньтина. Колени его предательски подогнулись, и он едва не рухнул под этой тяжестью.

В ту же секунду бывший военный легко перехватил мешок обратно, удерживая его одной рукой без видимых усилий. — Даже до новобранца не дотягиваешь, — сухо заметил он. — Неженка.

Гу Ли еще раз окинул чжицина оценивающим взглядом, но не двинулся с места. Секретарь пояснил: — Это наш новенький, вчера только приехал. Зовут Юй Хань.

Затем он обратился к Юньтину: — А это Гу Ли, второй сын из семьи Гу, что на восточном краю деревни живет.

Гу Ли наконец отвел взгляд и кивнул секретарю: — Пойду я.

Он развернулся и зашагал в противоположную сторону.

Ду Юньтин не спешил уходить. Он остался поболтать с секретарем и как бы невзначай перевел разговор на Гу Ли: — А тот мужчина...

Секретарь вздохнул и махнул рукой: — Да вот, подъемные свои не донес до дома, так родня на него и окрысилась.

В деревенских семьях обычно было по пять-шесть детей, в семье Гу — всего трое, и все сыновья. Старший — первенец, надежда и опора, в нем души не чаяли. Младший — поздний ребенок, балованный любимчик. А средний... средний вечно был не у дел, ни отцом, ни матерью не привечаемый. К тому же родился он тяжело, рос молчаливым, лишнего слова из него не вытянешь — вот и не заладилось у них.

Когда пришел приказ отправить от каждой семьи по добровольцу на службу, родители пожалели старшего и младшего, а среднего, Гу Ли, отправили без раздумий.

Но тот оказался парнем не промах. В армии заслужил кучу наград, исправно слал деньги домой — семья им даже гордиться начала. Родители рассчитывали, что при увольнении он

привезет кругленькую сумму, а он всё до копейки отдал на спасение боевого товарища.

У стариков от такой новости чуть сердце не прихватило. Своим братьям еще жениться надо, дома строить, а он — чужому дяде деньги отдал! В общем, скандал подняли на всю деревню и заявили, что знать его не желают — пускай, мол, живет отдельно.

Ду Юньтину стало невыносимо жаль его. Он чувствовал, что с Гу Ли поступили в высшей степени несправедливо.

Секретарь продолжал цокать языком: — Первый день как вернулся, и такой позор. Надо будет поговорить с его стариками, нельзя же так...

Получив нужные сведения, Ду Юньтин попрощался и отправился обратно на работу.

Послеобеденные труды мало чем отличались от утренних. Вместе с ними работали деревенские ребяташки. Среди них была и младшая сестра Бай Цзяньшэна — девчушка по прозвищу Гуйхуа. Она так и вилась вокруг Гао Ли, заглядывая ей в рот и не переставая щебетать: «Сестрица то, сестрица се...»

В конце концов разговор зашел о нарядах, и глаза девочки загорелись неподдельным восторгом: — Сестрица, у тебя платье из дакрона, да? Какое же оно красивое!

На такую ткань нужны были особые талоны, и Гуйхуа, никогда не носившая ничего подобного, осторожно потрогала подол. Гао Ли снисходительно улыбнулась: — Подрастешь — и тебе мама такое купит.

Она поправила свою корзину.

В этот момент Ду Юньтин заметил знакомую фигуру, направляющуюся к колодцу с пустыми ведрами. Он мгновенно бросил свою работу. Оставшаяся позади Гао Ли лишь недоуменно крикнула вслед: — Юй Хань! Ты куда это собрался?

— Жарко очень, — не оборачиваясь, бросил он. — Схожу воды попить.

Он припустил рысцой, его волосы смешно подпрыгивали в такт шагам. Куда делась его утренняя вялость? Сейчас он выглядел энергичным и полным предвкушения.

Один из парней-чжицинов с недоумением пробормотал: — Гляньте на него — несется, как шавка за костью...

А «шавка» тем временем уже подбегала к колодцу. Почти у самой цели Ду Юньтин притормозил и судорожно пригладил волосы. Подойдя ближе, он намеренно не стал смотреть

на мужчину, а первым делом принялся медленно подворачивать штанины.

Несмотря на зной, тело Юй Ханя было слабым, и он всё еще носил длинные брюки. Когда Ду Юньтин наклонился, обнажившаяся кожа оказалась ослепительно белой — она разительно отличалась от его обгоревшего на солнце лица. Лодыжки его были тонкими и изящными.

Гу Ли, невозмутимо наполнявший ведра, казалось, вовсе не замечал его присутствия. Лишь когда вода дошла до краев, он негромко спросил: — За водой пришел?

— Угу, — кивнул Ду Юньтин.

В горле Гу Ли отозвался низкий, едва уловимый смешок: — А ведро-то где забыл?

Система готова была сгореть со стыда. Засмотрелся на мужика и приперся с пустыми руками — какой уж тут колодец?!

Но Ду Юньтин был куда невозмутимее: — Я просто очень пить захотел. Горло пересохло.

Он попытался нажать на рычаг насоса. Колодец стоял в тени, и железо рукояти было приятно прохладным.

Гу Ли поднял на него глаза: — Руки подставь.

Юньтин замер в замешательстве.

— Руки, говорю, подставь.

Гу Ли повторил просьбу и зачерпнул ковш из ведра. Ду Юньтин сложил ладони лодочкой. Мужчина вылил немного воды, чтобы тот мог смыть пыль, а затем позволил ему пить прямо из своих ладоней.

Ду Юньтин долго и старательно умывался, прежде чем вспомнил, что на нем надеты рабочие перчатки.

Он захлопал ресницами и вдруг негромко произнес: — Второй брат? Можно мне тебя так называть?

Гу Ли промолчал. Ду Юньтин опустил глаза, изображая крайнее смущение, и прошептал: — Второй брат, я только что с поля, у меня руки грязные... Можно мне одолжить твои руки?

Тело мужчины заметно напряглось. Он ничего не ответил, лишь молча зачерпнул ладонью

воду из ведра.

Вода была кристально чистой. Ду Юньтин, склонив голову, сделал несколько глотков. Его губы как бы невзначай коснулись мужской ладони и тут же отстранились. Юноша поднял на него невинный взгляд, полный кротости, словно маленькое безобидное животное: — Спасибо, второй брат.

Гу Ли подхватил ведра и стремительно зашагал прочь.

Ладонь его всё еще жгло, и он непроизвольно коснулся её кончиками пальцев. Оставшийся позади Ду Юньтин во все глаза смотрел на его широкие плечи и сильную спину. Он облизнул губы, чувствуя, как на душе становится легко и сладко.

«Эх, — вздохнул он. — Вот бы еще узнать, когда господин Гу ходит мыться...»

В такое лето мытье обычно ограничивалось парой ведер воды во дворе после захода солнца. От одной этой мысли Ду Юньтина бросило в жар.

«Надеюсь, там, где он живет, есть деревья»

«Неужели он правда собрался лезть на дерево?» — Его упорство вызывало у 7777 невольное восхищение.

Во время ужина Ду Юньтин не преминул провести разведку. Увы, Гу Ли съехал из отчего дома и теперь ютился в полуразрушенной лачуге возле коровника. Там не было ни деревьев, ни мало-мальского укрытия. Чтобы подобраться поближе и не вызвать подозрений, Ду Юньтину пришлось бы превратиться в корову.

Юньтин еще долго с неприкрытой завистью разглядывал пасшуюся неподалеку скотину.

С наступлением сумерек дневные труды подошли к концу. Женщины еще возились с шитьем при свете масляных ламп, а ребятня, предоставленная сама себе, с гиканьем носилась по дворам. Сестра Бай Цзяньшэна, бойкая Гуйхуа, всюду пыталась затащить Ду Юньтина в игру, но тот вежливо отказался.

Девчонка хитро прищурилась и, заметив, что юноша перебирает свои вещи, выждала момент и подскочила к нему: — Братец Юй, — сладко пропела она, — а у тебя конфетки есть?

Или еще какие-нибудь сокровища?

Она бесцеремонно заглянула в его сумку. Ду Юньтин заранее припрятал часы поглубже, а теперь нарочито медленно достал дорогую перьевую ручку.

Глаза Гуйхуа округлились. Ручка была на редкость изящной, с золотистым колпачком. Девчонка еще училась в школе, и в их краях обладатель даже самой простой ручки становился объектом зависти. Что уж говорить об этой — она казалась чем-то из другого мира.

Сердце Гуйхуа часто забилося: — Братец Юй, это твоя ручка?

Ду Юньтин эффектно крутанул ручку между пальцами: — Моя.

— Какая красивая... — прошептала она с вожделением. — А можно мне... разочек попробовать?

Юньтин кивнул. Девочка тут же выудила клочок бумаги и вывела пару иероглифов. Перо шло по бумаге гладко, чернила ложились ровно. Гуйхуа влюбилась в нее с первого взгляда.

Понимая, что вещь дорогая, она постаралась скрыть интерес и равнодушно вернула её хозяину. Ду Юньтин же убрал ручку в сумку, специально положив её на самое видное место.

В оригинальной истории Гуйхуа заметила часы, оставленные дедом Юй Ханя — заграничную марку, стоившую целое состояние. Юй Хань хранил их на самом дне мешка и почти не доставал. Но когда он сблизился с Бай Цзяньшэном, Гуйхуа повадилась заходить к нему за гостинцами. В один из таких визитов она перерыла его вещи и, обнаружив заветную коробочку, попросту её стянула.

Юй Хань долго искал пропажу, пока случайно не наткнулся на знакомый футляр в доме Цзяньшэна. Он рассказал об этом другу, и спустя пару дней тот признался, что часы взяла Гуйхуа.

— Но как же так? — ужаснулся тогда Юй Хань. — Она ведь еще ребенок, как она могла украсть?

Бай Цзяньшэн лишь нахмурился: — Она не украла. Она просто еще маленькая, увидела красивую вещь и захотела рассмотреть поближе. Не смей называть её воровкой, она не какой-нибудь там преступный элемент.

Юй Хань не мог взять в толк: если вещь взяли без спроса — разве это не кража?

— Об этом никто не должен знать, — отрезал тогда Бай Цзяньшэн. — Она еще не понимает, что творит. Я сам её проучу.

Он взял Юй Ханя за руку и добавил уже мягче: — Ты ведь взрослый и рассудительный человек.

Это всего лишь часы, они не стоят того, чтобы ломать жизнь моей сестре. Будь выше этого, прояви великодушие.

Юй Хань долго молчал, а потом тихо спросил: — Но как же мои часы...

— Считаю, что ты преподавал ей урок, — Бай Цзяньшэн похлопал его по плечу. — И вообще, зачем тебе такая дорогая вещь? В наше время заграничные часы могут навлечь беду. Пусть лучше лежат у Гуйхуа, так будет безопаснее для всех.

Теперь же объектом вожделения Гуйхуа стала вовсе не заграничная вещь, а ручка. Ду Юньтин специально выбрал ту, что была «идеологически чистой» — подарок от провинциального руководства, врученный отцу Юй Ханя, Юй Цзяню, за особые заслуги. На колпачке красовался иероглиф «Юй», а в комплекте шел блокнот с красной печатью. Попробуй теперь кто-нибудь обвинить его в хранении «буржуазной роскоши»!

Лишних кроватей в деревне не было, так что спать приходилось вдвоем. Соседом Ду Юньтина стал один из парней-чжицинов. Юньтин старался держаться на самом краю, подальше от соседа, но на следующее утро тот проснулся в дурном расположении духа.

— Что с тобой? — спросил Ду Юньтин.

— Ты всю ночь во сне разговаривал! — проворчал парень, выплевывая воду после полоскания рта. — Кто такой этот «господин Гу»? Ты всю ночь рыдал и звал его, я тебя тряс-тряс — не добудился.

Ду Юньтин замер: — Я плакал?

— Еще как! — Сосед поежился. — Всхлипывал так тихо, жалобно... жуть просто. Я поначалу решил, что в доме привидение завелось. А потом рукой провел — у тебя простыня хоть выжимай, вся в слезах.

Он с нескрываемым восхищением поднял большой палец: — Ну и горзд же ты реветь, Юй Хань.

Ду Юньтин не поверил своим ушам. Он взглянул на свое отражение в тазу с водой: глаза и впрямь были красными и припухшими. Вид у него был на редкость жалкий. Юноша осторожно коснулся век — кожу ощутимо саднило. Видимо, рыдал он действительно долго.

На работу он отправился с красными глазами, чем вызвал немалое удивление товарищей. Гао Ли, решив, что парень просто тоскует по дому, отвела его в сторонку и долго читала мораль о стойкости духа, а в конце даже сунула ему конфету, призывая не падать духом.

Ду Юньтин кивнул, его щека забавно оттопырилась от леденца — он стал похож на белку, прячущую орех. В эти времена сахар был на вес золота. Смакуя редкую сладость, он отправился к жерновам.

Мельница стояла неподалеку от коровника. Гу Ли, сохранивший армейскую привычку вставать ни свет ни заря, уже успел управиться с частью дел и теперь отдыхал в своей хижине, прихлебывая воду. Проходя мимо, Ду Юньтин вежливо кивнул: — Доброе утро, брат Ли.

Гу Ли замер с кружкой в руке, не сводя взгляда с его покрасневших глаз.

«Неужели так сильно по дому тоскует?»

Маленький чжицин выглядел совсем хрупким, словно в нем и вовсе не было сил. Утренний воздух был еще прохладен, и кожа юноши уже не пылала пунцовым; теперь она казалась неестественно белой и нежной. Работал он молча, плотно сжав губы, и на его тонкой шее отчетливо проступали вздувшиеся жилки.

Мужчина некоторое время наблюдал за ним, а затем, словно повинувшись неведомому порыву, резко поднялся: — Много задали?

Юноша вздрогнул и замер: — Да вот... этот участок...

Помол зерна не считался тяжелой работой, и Ду Юньтин трудился здесь один. Гу Ли подошел и бесцеремонно забрал у него инструмент: — Отойди.

— А?..

— Иди в тень присядь, — буркнул он, чувствуя, как при виде заплаканных глаз юноши внутри закипает глухое раздражение. — Ты слишком медленный. Я сам доделаю.

<http://bllate.org/book/15364/1411251>